

ПРИ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЯХ

Возвращаясь к статье «Артисты и писатели» («СН», 16 июля 1988 г.), честно говоря, не хотелось: опять в таком возвращении, кто-нибудь увидит тайный умысел. Но так получилось, что разговор о встрече артистов Художественного театра (сцена на улице Москвитина) с писателями продолжается помимо нашего желания. Его ведет читатель. И пройти мимо читательских суждений мы просто не вправе.

Итак, письма. Их пришло и продолжает приходить немало. Причин здесь, думаю, несколько. Во-первых, после обилия публикаций в прессе, касающихся разделения МХАТа, уже долгое время театральные читатели не получали достаточной информации о делах в разделенных труппах. Другой момент. То, что произошло тогда на встрече, представилось читателям как имеющее к ним прямое отношение. Ситуация задела за живое — сегодня споры о самой прессе, о ее месте в нашей общественной жизни разгорелись с невиданной силой. Вот, думаю, причины нашей обильной почты.

Но вначале приведем одно письмо, его написала читательница Т. Пластинина из Казани: «...Заставила взять ручку заметка «Артисты и писатели». В целом заметка понравилась, но не абзац, выделенный курсивом. Я не знаю, не читала критической статьи в «Огоньке», но склонна думать, что актеры правы. Ибо, на мой взгляд, «Огонек» в последнее время стал любителем сенсаций и субъективно-кухонной критики, поэтому и увеличился тираж... Я против сенсаций, я за критику, основанную только на фактах и аргументах. Не об этом речь. Раз у актеров и сотрудников театра такая реакция, значит, критика действительно несправедливая и больно их задела. Автор возмущается, что журналистская из «Огонька» навешивают эпитеты. Конечно, это не аргумент в споре, но сам автор навешивает ярлык всему коллективу театра и выносит эту кухонную ссору на всеобщее обозрение. Если бы там шел принципиальный спор, то его стоило бы выносить на суд читателя, но кухню...»

Меня тоже «больно задело» это письмо. И не то, что автор неточно оперирует словом «сенсация», противопоставляя его критике, основанной на фактах (хотя достаточно взглянуть в словарь, чтобы убедиться, что сенсация — это всего лишь событие или сообщение, производящее ошеломляющее впечатление, а вовсе не газетная «утка» и не злостная дезинформация), и даже не то, что из подобных читательских заблуждений и инспирируются подчас общественные настроения, смысл которых — приструнить «распоявавшуюся» прессу. Опустим и странное утверждение читателя, что именно та критика несправедлива, которая «больно задевает». И урек в том, что автор сам не прочь навесить ярлык, оставив без внимания (но вы уж, товарищ Пластинина, будьте добры, перечтите статью, где же в ней ярлыки-то?), не в этом в конце концов дело. Но вот убеждение, что разговор наш не принципиальный, что это всего лишь «кухня»... Нет! С этим согласиться не могу. Разговор принципиальный и выходит далеко за рамки частного случая. Именно так и продолжили его многие наши читатели. «Проработала в печати семнадцать лет, никогда не могла представить, чтобы меня кто-то посмел вывести из зала только за то, что кому-то не нравится газета, в которой я работаю. И не удивительно, что статья «Артисты и писатели» просто потрясла меня тем самоуправством, которое училили над моими столчными коллегами в коллективе прославленного МХАТа... Ну, а как же теперь быть с восстановленными «Тремя сестрами»? Кто их пойдет смотреть, если нас из зала могут вывести?» (В. Александрова, г. Серов).

Или вот такое мнение: «Для меня лично сложность представляет поведение В. Астафьева и В. Распутина, когда на их глазах произошло выделение корреспондентов... А где же принципиальность А. Гриневича в его «единомыслии с прогрессивными писателями»? Дополню, что я не сторонник О. Ефремова» (А. Трайнин, Москва).

Что, неужто разговор принципиальный? Но большинство писем посвящено непосредственно инциденту. В них читатели высказывают свое отношение к «Огоньку», к характеристикам, данным в его адрес Т. Дорониной: «Чрезвычайно удивило определение лица журнала «Огонек» артисткой Т. Дорониной, — пишет М. Гостев из Воронежа. — Она характеризует направление, развитие журнала, как «чудовищное, разрушительное». Да, «Огонек» разрушает ложь, лицемерие, коррупцию, двойную мораль, приоткрывает белые и черные пятна истории... Брала ли Т. Доронина в руки тот прежний, софрововский «Огонек»? Вряд ли... И не надо думать, что журнал разрушил мое почтение и любовь к МХАТу...» Как бы продолжает эту тему Е. Петриченко из поселка Томаковка Днепропетровской области: «По мнению Т. Дорониной, выходит, «чудовищно», что журнал привел в статье А. Караулова «Момент истины?» мнения талантливых артистов, оставшихся с О. Ефремовым.

А выталкивать из зала человека совершенно невинного на глазах почтенной интеллигенции, так сказать, наших нравственных учителей — это этично? Да ни один бы оппонент, сколько яростным он ни был бы, не смог разоблачить этих гуманистов столь красноречиво, как они это сделали сами... Считаю инцидент с корреспондентом «Огонька» оскорблением всех почитателей журнала». И еще: «...Прочитав статью «Артисты и писатели», я был просто потрясен тем ЧП, которым закончилась встреча труппы МХАТа на Тверском бульваре!» (А. Дыховичный, Ленинград).

Но в своих письмах читатели, правда, спрашивают — все-таки была или нет предоставлена возможность выступить Т. Дорониной и ее сторонникам в «Огоньке»? После публикации «Артистов и писателей» в «Советскую культуру» обратился корреспондент «Огонька» Андрей Караулов. Ему слово:

«Татьяна Васильевна Доронина публично сетует, что ей и Московскому Художественному театру, который она возглавляет, не была предоставлена возможность ответить на статью «Момент истины?», напечатанную в «Огоньке»... А на самом деле все было куда как проще. Татьяна Васильевна хорошо помнит, наверное, наш первый разговор по телефону. Помнит и второй разговор, и третий. А ведь «Огонек» просил: скажите все, как есть, не таясь, объясните свою позицию, ответьте принципиально. Нет. Не до того. Так же вел себя и тогдашний директор театра В. Ануров. Откликнулись только трое: В. Шиловский, Е. Новиков, А. Борзунов. Их интервью даны в журнале слово в слово, до запятой.

Вскоре после выхода статьи часть труппы через суд потребовала лишить меня — я цитирую их заявление — «навсегда возможности печататься в нашей стране». Суд дело не принял. Но факт остается фактом: после выхода статьи актеры пришли не в журнал. Так что нет ничего удивительного в том, что на вопрос моего «огоньковского» коллеги, был ли написан ответ в «Огонек», который журнал якобы не опубликовал, его просто выгнали из зала. Я не был на этой встрече, но спросил бы то же самое».

От себя добавлю, и мне доводилось обращаться к Татьяне Васильевне с предложением выступить в «Советской культуре», рассказать, как было дело. Ответ последовал неожиданный и категоричный: «С вашей газетой разговора не будет». Ну не будет и ладно, как говорится, дело хозяйское. Только непонятно, зачем с таким случае снова и снова возвращаться к «стене молчания», «газетному вакууму», «заговору» и прочим атрибутам тайной дипломатии?

Не сам ли театр отгораживается от журналистов? Ведь вот назвал же помощник художественного руководителя по литературной части В. Бовдариенко некоторых представителей прессы «незваными гостями». Ведь потребовал же он в своем письме в «Советскую культуру» ответить на вопрос: «Можно ли к вам в редакцию на ваши внутренние мероприятия являться тайком?» Это он в связи с тем, что на встречу писателей с артистами кто-то из журналистов явился, не имея личного приглашения. Это после того, как сам известил о ней ряд редакций, ибо, как он пишет, «было бы обидно если... такая глубоко содержательная встреча осталась внутренним делом трех-четырёх десятков артистов МХАТа».

И в заключение. Не ради того, чтобы рассказать об инциденте с «Огоньком», писалась предыдущая статья. Хотелось начать (а вернее, продолжить уже начатый на встрече с писателями) разговор о понимании наших традиций, об ответственности за них, о назначении русской и советской интеллигенции. Это главное. Над этим давайте думать вместе, давайте вместе спорить и искать истину. Но если спорить, то при открытых дверях!

Ал. ГРИНЕВИЧ.